

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Кольцо
с секретом

МОСКВА

2022

ГЛАВА 1

Вообще-то ничего страшного не произошло.

Просто дело в том, что на дворе глубокая осень, настроение паршивое, мой любимый кофе из друга превращается во врага.

И что снится имя. Ничего, кроме имени, кроме этих пяти букв.

Роман.

Слава богу, никогда не страдала таким недугом, как хождение затылком вперед, оно же — хроническое ностальгирование. Предпочитаю жить настоящим, будет день — будет пища.

Вот потому-то все эти годы стараюсь понять, что случилось, как произошло, что эти пять букв так влияют на мое драгоценное самочувствие, по сути единственное, что меня беспокоит.

Стареть я не собираюсь. Со здоровьем все лучше некуда. С мозгами... ну, это всем известно и в доказательствах не нуждается.

Одиночество? К черту рефлексию, мне с собой никогда не одиноко. А уж тем более с Татьяной, которая выпалась. С таковой и в одном теле обитать приятно.

Однако почему-то именно осенью иной раз становится мерзко на душе, и опять — спустя столетие! — вновь и вновь всплывают эти пять

букв, и снова хочется, как и тогда, тихо, чтобы никто не видел, порыдать в подушку.

И ведь это притом что у нас ничего не было. Никогда и ничего.

Просто мы были соседями по лестничной клетке. Они откуда-то переехали всей семьей — серьезные, тихие, молчаливые, неизменно вежливые и в целом вполне приятные люди: мама, папа и сын.

Недели не прошло, как этот последний — смешной, долговязый, руки и ноги как на шарнирах — заступился за меня в дворовой драке, немало удивив: буквально всем в округе было известно, что это излишне. Возможно, по незнанию или просто принял меня за кого-то. Потери были и с той, и с другой стороны, но, утерев кровавую юшку, он сбегал к колонке вымыться, а затем представился, протягивая исключительно чистую руку со сбитыми костяшками:

— Роман, — почему-то упирая на «о».

Я только фыркнула, но руку пожала.

Он на несколько лет меня старше и все-таки воспринимался мною как мелкий, по-своему придурочный лопоух, шатающийся в наши времена со шпагой.

Ситуация прояснилась, когда вдруг по телику сообщили, что житель Тарасова Роман Дубовицкий (и снова почему-то ударение на «о», аж два раза) взял «золото» на турнире пятиборцев-юниоров, а потом «золото» еще где-то, еще и еще.

«Ах как скучно, — с досадой и невольным разочарованием думала я, — еще один тупица со стальными мышцами и крохотным мозгом.

■ Спортсмены — это так неинтересно».

Вы же понимаете, я принципиально встречаюсь исключительно с опасными интеллектуалами. Ну а он, как выяснилось, предпочитает новейшие модели различных направлений (фото-, кино-, мисс и прочее). Что они в нем находят — совершенно непонятно!

Однако это так, ремарки. Мы пребывали неизменно на самой дружеской ноге. Хотя иной раз за это ласковое утреннее: «Как цси, соседка?» — почему-то хотелось его убить. Удерживало лишь наличие какой-нибудь особо длинноногой (и, как правило, невыспавшейся) свидетельницы.

Он некрасив, хотя фигура и мускулатура просто восхитительны. Все-таки пятиборье — это не шутки. Улыбка — о да, она просто лучезарна (хотя два передних зуба можно было бы уже вставить). Красивые волосы — пусть и светлые, но густые, волнистые. Голос приятный, глухой, говорит как будто в себя. Да, и он интересно двигался — мне, как спецу по единоборствам, это особенно кололо глаз. Пластично, ловко, но как будто готовится к броску.

В остальном же — вообще не герой с обложки. Длинный, свернутый набок нос с подвижными, как у пса, и вечно раздутыми ноздрями — то ли принюхивается, то ли бесится, — глубоко посаженные глаза-треугольнички, с искоркой, но недобрые, с постоянным прицелом в них. Нарочито криво заштопанный шрам — через скулу по губам.

И, кроме того, при славянской внешности и относительно чистом, правильном говоре — разве что «щ» отсутствовала как класс, «ы» зву-

чала как «и», а «т» звучало как «цс», — в нем ощущалось нечто иноземное.

Прибавить кольцо в правом ухе — тоже довольно уродливое, вроде бы кованое, оно придавало этой фигуре еще более экзотический вид.

Так что я совершенно не удивилась, когда он всплыл в сборной команде под флагом гордой морской державы Латвии уже в качестве Романса Озолиньша.

А вот и она, разгадка ударной «о» и постоянного прицела в глазах. Классический латышский стрелок, бессмысленный и беспощадный.

Для своей исторической родины он завоевал еще одно «золото», а потом она как-то очень быстро стала чужбиной. Романс-Рома не прижился. Еще одно «золото» он принес — а потом отовсюду вылетел с огромным скандалом. То ли пьянка, то ли мордобой, то ли политика, а то и все сразу.

Тогда он запросто, не чинясь, вернулся в родной Тарасов, и какое-то время мы снова пересекались на лестничной клетке.

И снова «Как цси, соседка?» и вновь ничем не объяснимое желание отвесить пощечину.

Вскоре его мать умерла. Похоронив ее, уехал отец. Освободившаяся квартира привела к волнообразному росту разнообразных, но неизменно плохо выпавшихся дам и дамочек, которые выбирались по утрам из его обители.

Лишь однажды, именно слякотной осенью, между нами имело место нечто неуставное.

Вся в злых слезах и при полном параде — маленькое черное платье, бесконечные каблуки,

алый рот и тому подобное — я возвращалась, сбежав с отвратного свидания. Дождь в этот вечер ну просто озверел, лило как под душем, и все, что хотелось, — это побыстрее добраться до горячей ванны.

Откуда появились эти отморозки — осталось для меня тайной, но проржавевшее ведро, набитое ими, лихо осадило подле. Двери распахнулись, оттуда полезли мохнатые щупальца, лапая, скручивая, запихивая в воняющую клоаку.

Я молча отбивалась.

Но тут взревел двигатель, оглушительно грохнуло — и в тыл «девятке» со всего маху влетел мокрый и блестящий «Мерседес». Несчастный отечественный автопром налетел на бордюр, крикнул и приказал долго жить, а его начинка, сквернословья, вывалилась на разборки.

Дверь «Мерседеса» шикарно распахнулась, оттуда дважды полыхнуло и грохнуло — этого оказалось достаточно, чтобы шакаля стая задала стрекача уже на собственных конечностях.

У меня в голове вертелась лишь одна, хотя и сверхглупая мысль: обычно «Запорожцы» въезжают в «Мерседесы», но наоборот?

В это время из благоухающего кожей салона вальяжно вылез прекрасно одетый длинноногий и длиннорукий мужик с бутылкой шампанского. Прежде чем я смогла разглядеть его, моего как бы спасителя — справилась бы и сама, — он сказал:

— Оп-па! Вот это сюрпрайз. Как цси, соседка?

«Опять ты. Удачно», — порадовалась я, ощущая знакомый зуд в ладони.

— Смелая ты девочка, в таком виде, ночью да по улицам, — заметил он, набрасывая мне на плечи свитер, такой теплый, сухой, — глотнешь?

Зубы у меня и впрямь отплясывали тарантеллу, а шампанское было просто восторг. Разумеется, отказ от него я сочла невозможным.

Несмотря на то что до нашего с ним дома было недалеко, Роман не спешил, ехал еле-еле, так что поездка с шампанским растянулась на полчаса.

И снова я не возражала. Зачем? Тут так тепло, ароматно (если не считать, что от него густо несло спиртным и сигарами), упоительно блестят хромированные штуки, и почему-то так спокойно и уютно рядом с «соседушкой». Было в нем именно то, что тетушки на лавках называют «мужчинским».

За все тридцать минут Роман не произнес ни слова, а я все стеснялась спросить, зачем, имея ствол, разбивать морду собственной дорогой тачке. Задала лишь более нейтральный вопрос, который тоже занимал меня довольно давно. Осторожно притронувшись пальцем к серьге в его правом ухе — толстой, испещренной какими-то письменами, — я спросила, что это значит.

Он дернул штопаной губой, изобразив улыбку:

— Ничего. Чтобы видеть лучше.

Я прыснула про себя. Надо же, кто-то еще носится с этим пиратским суеверием.

— Кто это тебе сказал: капитан Флинт?

— А кто это?

Ну что тут сказать? Хотя нельзя не отметить, что серьга ему очень идет.

■ Мы притормозили у нашего подъезда.

Роман вышел из машины первым, открыл дверь, подал руку, а мне не пришло в голову не заметить ее. Впрочем, эта машина такая низкая.

По-хозяйски, как будто так и надо, обнял за плечи, довел до квартиры — и снова даже мысли не возникло возмутиться и вырваться.

Тогда я еще не была в курсе, что этот человек ни у кого ничего никогда не спрашивал, он делал так, как считал нужным, и никакого «с вашего позволения», «не против, если...», «а можно я...». Постоял, подождал, пока я открою дверь и войду, лишь после этого собрался вниз по лестнице.

— Ты что же, переехал? — зачем-то спросила я, просто чтобы сказать хотя бы что-то. Или еще раз услышать его голос.

— В целом нет, — ответил Роман. Все-таки забавно он «цсекает».

— А свитер, забыл?

— Тебе. На память, — подмигнул он и сбегал вниз по лестнице.

Я зашла в комнату, не зажигая свет, и непонятно зачем выглянула в окно.

Умостившись на разбитом капоте, Роман сидел в одной рубашке, попивал шампанское и, задирая голову, смотрел в мое окно.

С утра под дверью материализовался букет, а в нем листок, на котором четким, с сильным нажимом почерком было выведено:

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

С тех пор прошло... ну, лет сто. Больше я его не видела, ни лично, ни по телевизору, ни где-то еще.

Да и в целом глупо и незачем.

Просто — и это сугубо между нами — почему-то именно осенью мне иной раз снились эти пять букв: «Роман», становилось и неловко до поджимания пальцев, и одновременно и тепло, и грустно.

На самом деле все просто, и нечего усложнять.

Возможно, все дело в том, что надо сменить картинку.

Я огляделась — конечно! Ремонт надо сделать, причем немедленно, по всей квартире. Видеть не могу эти обои!

Идея отменная, но, чтобы проверить все это разом, надо немерено финансов.

Тогда, как паллиатив: покидать в сумку то, без чего нельзя обойтись, и отправиться отдохнуть, вот и все.

На время взять паузу, съездить куда-нибудь!

Конечно, не за тридевять земель, мало ли что интересное подвернется. Хотя бы несколько дней никого не видеть, не слышать, читать старые детективы... или, может, Блока, «К прекрасной даме»?

Ну что за чушь в бессонную голову лезет! Наказание какое-то! Осенняя депрессия, не иначе.

«Так, хватит. В самом деле, хватит», — строго сказала я сама себе и себя же выгнала на кухню. Все, что сейчас тебе нужно — это чашечка «гватемалы» и выбрать, куда свалить.

Мое основное требование — все готовенькое, полный покой, тишина и хорошо бы еще плохо работающая связь, чтобы никому в голову не пришло требовать моих услуг «здесь и сейчас».

ГЛАВА 2

Выслушав мои требования, агент — сразу видно, девушка понятливая — немного загрустила.

— Вот, чтобы совсем никого и все готовое — такого точно нет, — сокрушенно признала она, — но, если хотите, имеется нестандартный, хотя эксклюзивный, вариант. Строго конфиденциально и только для вас.

Она сделала эффектную паузу, дабы подготовить мою нервную систему к экстазу, и завершила:

— Экопоселок «Дуб и липа».

«Сейчас я тебя разочарую с превеликим удовольствием», — кисло подумала я и наложила вето:

— Никаких. Никаких поселков, детей, собак, шашлыков.

А ведь каким крепким орешком оказалась девица!

— Так вы не спешите. Всего этого там и в помине нет.

— То есть как?

— А там и не будет никого, кроме вас. Вы, если хотите знать, там пионером будете. Помимо вас там еще ни души не было. Поселок новенький, как пятачок, незаселенный, а вам предлагается единственный подключенный к коммуникациям коттедж.

— Почему единственный? — с подозрением спросила я.

— Наверное, пока денег нет другие подключить. Дорого, надо полагать, — предположила она, — хотя, честно, не знаю. Слышала лишь, что в необозримом светлом будущем предполагается устроить полноценную экоусадьбу для избранных...

— Что сие значит?

Девушка пояснила открытым текстом:

— Резервацию для тех, что почище. Нечто вроде городской усадьбы. Не слышали?

— Нет, не довелось.

— Это когда люди хотят приобщиться к сельскому хозяйству, но чтобы скотина была чистой и сдерживалась от естественных потребностей. Чтобы не самим коровам хвосты крутить, а как бы взять буренок напрокат. Ну там, корма закупают, оплачивают труд скотников, доярок, а сами пользуются экологически чистыми благами.

Подумав, я идею одобрила:

— Неплохо придумано. Навоз месить не надо, ничего запаривать-заливать — тоже, пальцы стирать-доить тоже — башляй себе деньги да получай результат.

— Хорошая задумка, — подтвердила она, — правда, этих, что почище, пока нет, зато коровки

есть. И вот хозяйева с неохотой, но все-таки идут на то, чтобы пока сдавать площади в аренду. Все хлеб. Коттедж рассчитан на гигантскую семью, но избыток площади вполне можно пережить.

Я хмыкнула. Грамотно излагает.

— К тому же в любом случае будут к столу и свежий творог, и молоко, и прочие экоштуки. А вокруг — ни-ко-го. Итак, как вам такой вариант?

«Врешь, так просто не возьмешь», — я поразмыслила, к чему бы еще придраться, и, разумеется, нашла:

— А скот далеко от коттеджа?

— Достаточно далеко, чтобы не пахнуть, и близко — молоко прокиснуть не успеет, — заверила ловкая девица, — на этот счет даже не волнуйтесь, все продумано до тонкостей.

— Минуточку, а доить-убираться кто будет?

— Совершенно незаметный персонал — комендант и его жена.

Я сдалась:

— Так и быть. Показывайте.

... — Итак, от города около тридцати километров, но вокруг прекрасная густая дубрава. Неподалеку имеется водоем... пусть по осени это не так актуально, но так, под развитие, — объясняла агентша, показывая весьма аппетитные фотографии моей будущей резиденции, — дорожки, ведущие к коттеджу, мощеные, так что никаких грязных туфель. Отличный гриль-домик. Теперь планировка: внизу — каминный зал, кухня-столовая и сауна. В нее вход непосредственно из прихожей. Наверху — зал со вторым камином и три спальни.

Она уточнила:

— Строилось не для отдыха, а для постоянного проживания большой семьи, потому он такой здоровенный.

— На сколько же он рассчитан?

— Человек на десять. А вас сколько будет?

— Это важно?

Девушка пожала плечами:

— Абсолютно нет. Не те сейчас времена, чтобы привередничать, даже толстосумам. Я к тому уточняю, что нужно постельное белье, посуда, дрова для сауны, все это подготовить надо.

Чтобы избежать лишних вопросов, я предложила исходить из классической цифры «четыре» и уточнила еще пару принципиальных моментов:

— Как далеко до ближайшего населенного пункта и как там со связью?

— До ближайшего пункта... минутку. Так, если говорить о бензозаправке, то порядка шести с половиной километров, если до ближайшего населенного пункта, то деревня Селевкино дальше на полтора километра. Правда, считать ли это пунктом — не знаю, там и сельпо-то нет.

Я порадовалась:

— Это замечательно. И все-таки еще раз: что насчет связи?

Честная барышня замялась:

— Ну, усилитель сигнала стоит.

— Но?

— Особо не усиливает.

— Очень хорошо, просто замечательно.

— На три? — уточнила девушка.

— Что, нельзя на три?

— Конечно нет! Кому он нужен... то есть, я хотела сказать, очень хорошо, если бы вам на четыре, то, конечно, пришлось бы отказать, потому что желающих много и график. И насчет оформляем...

— Что еще?

— Да вот, без оформления придется, — пояснила девушка, — видите ли, у них как бы все неофициально.

Я вежливо кивнула и попросила:

— А можно уже просто ключи?

Нет, девушка в самом деле понятливая:

— Ключи можно получить там, у коменданта. Его предупредят, приезжайте и забирайте. Когда желаете заселиться?

— Я бы сказала, чем быстрее — тем лучше.

— Хорошо, завтра уже все будет как надо. Наведут окончательный блеск.

— Пусть ручки не забудут отполировать, — сострила я.

— Зачем? — машинально, но искренне удивилась она.

Вот ведь какая короткая у людей память на катастрофы, даже заразные.

— Дезинфекция от ковида. Ну или отпечатки уничтожить, — сострила я снова.

Я выложила, а она приняла кругленькую сумму — что не сделаешь ради собственного душевного равновесия? — мы, фигурально выражаясь, ударили по рукам. Я получила распечатку с картой и схемой проезда и заодно подробные разъяснения, как проехать.

И что я имею сказать?

«Дуб и липа» впечатляли. И липы, и дубы имели место во множестве. Особенно последние были ничего себе, толстые, высокомерные, с крупными самодовольными желудями. К поселку вела безупречная дорога, обсаженная липами. Территория была огорожена практически незаметным, сетчатым, и все-таки двухметровым забором.

Я поставила свою «ласточку» на прекрасную экостоянку. Тут меня поджидали местные «экоберриморы» — аккуратно одетые и приветливые, причем мужчина немедленно отобрал мою легкую сумку. Несмотря на явную восточность, он попросил звать себя Максом, зато женщина честно признала, что ее зовут Алсу. Как раз это диссонанса не вызывало.

Меня препроводили по тропинке меж лип, и я обратила внимание, что премудрая девица истину прорекла: уже смеркалось, а огней, помимо подсветки дорожки, видно нигде не было, разве что в одной точке.

Туда мы и направлялись.

— А где же ваши коровки?

Комендантша Алсу пояснила, что они уже дома стоят, кушают.

— Так-то весь световой день на выпасе, если нет совершенно сильных морозов. Они еще не окончательно привыкли к нашему климату. Что бы вы с утра желали: молока, простокваши, творога, сырников со сметаной?